

- Падучева 1985 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью М, 1985.
- Падучева 1989 – *Е.В. Падучева* Идея всеобщности в логике и в естественном языке // ВЯ. 1989 № 2
- Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera V.A. Plungian*. Modality's semantic map // Fr Plank (ed.) Linguistic typology. Berlin, New York, 1998
- Dahl 1999 – *O. Dahl* [Review on]: M Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford, 1997 // Linguistics and philosophy V. 22 1999.
- Haspelmath 1997 – *M. Haspelmath* Indefinite pronouns Oxford, 1977.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer* The middle voice Amsterdam, 1993.
- Partee 1995 – *B.H. Partee*. Quantificational structures and compositionality // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer and B.H. Partee (eds.) Quantification in natural language, Dordrecht, 1995
- Weinreich 1966/1970 – *U. Weinreich* Explorations in semantic theory // T.A. Sebeok (ed.) Current trends in linguistics V. 3 London The Hague: P., 1966. (Русск. пер.: У. Вейнрейх Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике Вып 10 Современная лингвистическая семантика / Ред В.А. Звегинцев. М., 1981.

Е.В. Падучева

A. Carstairs-McCarthy. The origins of complex language. An inquiry into the evolutionary beginnings of sentences, syllables, and truth Oxford: Oxford University Press, 1999. X + 260 p

Со времени выхода рецензируемой монографии прошло почти пять лет – немалый срок для научного сочинения. Тем не менее, мы полагаем, что эта книга заслуживает внимания российских языковедов. Ее автор – проживающий и работающий в Новой Зеландии Эндрю Карстейрс-Маккарти – почти неизвестен у нас, при том что за рубежом он считается одним из наиболее авторитетных и уважаемых специалистов в области морфологии (см. хотя бы [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994; 1998]).

Однако рецензируемая книга посвящена не морфологии, а происхождению и эволюции языка – проблеме, приобретшей в последние два десятилетия необыкновенную популярность (см. только за последние десять лет [Николаева 1996; Hauser 1996; Noble, Davidson 1996; Deacon 1997; Hurford et al. 1998; Kirby 1999; Барулин 2000; Givón, Malle 2002; Christiansen, Kirby 2003; Шур и др 2004; Бурлак, Старостин (в печати)] и многие другие). Существует довольно большое число разнообразных теорий, посвященных этому вопросу, анализировать которые здесь не место.

С самого начала необходимо обратить внимание читателя на то, что в центре рассмотрения Э. Карстейрса-Маккарти оказывается не весь комплекс изменений (включая анатомические, психологические, собственно лингвистические и др.), приведших к возникновению человеческого языка. Автора интересует лишь вопрос о том, почему определенные аспекты грамматического устройства, которые он полагает универсальными, т.е. присущими

всем без исключения языкам, таковы, каковы они есть. Э. Карстейрса-Маккарти особенно занимает вопрос о происхождении различия между именными группами и предложениями и иерархической организации последних (противопоставления подлежащего и дополнений).

Монография состоит из семи глав и нескольких приложений. В первой главе (Introduction) ставится основная проблема книги: какими свойствами мог обладать язык на ранней стадии своего развития? Для ответа на этот вопрос Э. Карстейрс-Маккарти предлагает читателю принять точку зрения, "внешнюю" по отношению к привычным и кажущимся самоочевидными свойствам человеческого языка, и представить себе возможные сценарии эволюции, в результате которых могли бы возникнуть языковые формы, принципиальным образом отличающиеся от существующих.

Во второй главе (Three peculiarities of language) обсуждаются три интересных автора характеристики языка: (практически неограниченный) объем словаря, двойное членение (ср. [Мартине 1963: 381, Хоккет 1970: 57, 58, 61, 62]), синтаксическое различие между предложениями и именными группами (ИГ). Почему человеческий язык обладает этими свойствами, которые, как старается показать автор, вовсе не являются "необходимыми" для эффективного выполнения коммуникативных и когнитивных задач, стоявших перед Homo sapiens в ранний период его истории? Особый интерес представляет собой присущее всем языкам различие между предложениями и

ИГ. Э. Карстейрс-Маккарти не только полагает, что язык, лишенный этой характеристики, можно себе представить, но и утверждает, что такой язык мог бы служить эффективным средством коммуникации. Он рассматривает три возможных альтернативных способа организации грамматики: (i) "язык без синтаксиса" (*Asyntactic*), в котором слова могут размещаться в любом порядке, а предикатно-аргументные отношения устанавливаются на основании семантики и контекста; (ii) "пространственно-временной" (*Spatiotemporal*), где каждое правильно построенное высказывание содержит указание на Место, Время и Объект или Ситуацию; "он отличается от английского языка и вообще всех языков тем, что предложения и ИГ не имеют в нем прямых ответов" (с. 20, 21); (iii) "монокатегориальный" (*Monocategorical*), в котором все "правильно построенные выражения имеют одинаковый синтаксический статус, т.е. могут фигурировать в одних и тех же синтаксических контекстах" (с. 22); в таком языке вопрос о различии предложений и ИГ просто не имеет смысла. По мнению Э. Карстейрса-Маккарти, все эти гипотетические языки были бы столь же хорошо пригодны для всех человеческих коммуникативных и когнитивных нужд, сколь и реально существующие языки.

Традиционное (в самом широком смысле этого слова) языковедение на вопрос о том, для чего нужно деление правильно построенных выражений человеческого языка на предложения и ИГ, отвечает так: различие между ИГ и предложениями отражает фундаментальное противопоставление референции и (соотнесения языкового выражения с объектами действительности; при этом у языкового выражения либо есть референт, либо нет, как у ИГ *нынешний король Франции*) и предикации (соотнесения языкового выражения с некоторой внеязыковой ситуацией, которое может либо соответствовать действительности, либо нет) – двух важнейших когнитивных и коммуникативных функций языковых выражений (см. подробное обсуждение этого вопроса в [Croft 1991: Ch. 2, 3]). Но, как замечает Э. Карстейрс-Маккарти, в языке "существует много различий, которые грамматика могла бы отражать, но которые она, как правило, не замечает" (с. 28), и для того, чтобы ответить на вопрос, почему из всех возможных семантических и прагматических различий именно противопоставление референции и предикации повсеместно отражено в языке, автор предлагает свою оригинальную концепцию языковой эволюции.

Третья глава (*Truth and reference*) посвящена демонстрации того, что указанное противопос-

тавление, столь фундаментальное для философии и лингвистики, на самом деле не имеет никаких существенных экстралингвистических оснований. Автор анализирует посвященные этой проблеме работы Платона, Г. Фреге, Л. Витгенштейна и П. Стросона и приходит к выводу, что вся их аргументация в пользу такого различия неубедительна и, по сути, основана на структуре языка, навязывающего такое противопоставление.

В четвертой главе (*Attempts to solve the problems*) Э. Карстейрс-Маккарти рассматривает предшествующие попытки ответить на вопросы, находящиеся в центре внимания его исследования, и отвергает их как неудовлетворительные. В частности, он показывает, что нельзя сводить различие предложений и ИГ к предикатно-аргументным отношениям, как сделано, например, в известной статье [Pinker, Bloom 1990], поскольку эти отношения могут быть без проблем выражены хотя бы "монокатегориальным" языком. Также автор отвергает мотивацию разделения предложений и ИГ, основанную на противопоставлении объектов и ситуаций (ср. [Croft 1991]), и прагматическую мотивацию, связывающую это различие с дихотомией темы и ремы [Tomlin 1986]. Все эти объяснения, по его мнению, страдают одним общим недостатком: из них никак не вытекает, что язык должен был развиваться именно тем путем, который в результате привел к реально существующим базовым синтаксическим структурам.

Наконец, в пятой главе (*A different solution*) автор формулирует свое оригинальное решение поставленной проблем и объяснение трех "странностей" человеческого языка.

Это объяснение базируется на двух, казалось бы, никак не связанных между собой группах явлений: (i) на открытых в последние десятилетия универсальных принципах усвоения лексики детьми и (ii) на известном факте изменения позиции гортани у наших далеких предков, которое существенно расширило их артикуляторные возможности. Остановимся на этих факторах подробнее.

Лексика естественного языка обладает следующей чрезвычайно важной при усвоении языка детьми особенностью: в языке практически нет точных синонимов: даже если два слова обозначают один и тот же объект (например, *бегемот* и *гиппопотам*), они, как правило, различаются стилистически или имеют разные коннотации. Как было показано известным специалистом по психолингвистике и, в частности, по детской речи Е. Кларк [Clark 1993], при усвоении языка дети исходят из прагматического Принципа Контраста: любые два слова различаются значениями.

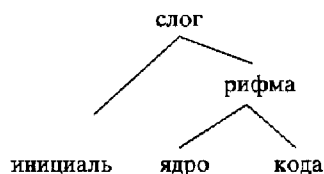
Изменение положения гортани у человека по сравнению с другими приматами – приобретение, на самом деле, сомнительного адаптивного характера, ведь из-за него взрослые люди не могут одновременно есть или пить и дышать, не опасаясь задохнуться. Тем не менее, снижение гортани, вне всякого сомнения, является важнейшей вехой в становлении артикуляторного аппарата человека – именно низкое положение гортани позволяет произносить гласные звуки различного тембра.

Э. Карстейрс-Маккарти выдвигает гипотезу о том, какова могла бы быть коммуникативная система, промежуточная между бедными "языками" обезьян и современным естественным языком. Носители этой системы, уже способные произносить большое количество звуков, по мнению автора, стояли бы перед следующей дилеммой: "с одной стороны, Принцип Контраста порождает ожидание, что различные вокализации будут различаться по своему содержанию... С другой стороны, ограниченные возможности памяти делают невозможным запомнить более, чем небольшой фрагмент всего множества потенциальных вокализаций" (с. 131).

Решение этой дилеммы автор видит в том, чтобы наши предки увеличивали число вокализаций. Для резкого расширения словарного запаса, не только количественного, но и качественного – превращения набора вокализаций из закрытого в открытый – потребовалась система, которая позволяла бы создавать сложные сигналы из простых, иначе запомнить такое количество не имеющих между собой ничего общего вокализаций было бы просто невозможно. Так, по мнению автора, возникли двойное членение (вокализации стали анализироваться на дискретные единицы, не имеющие собственного значения) и синтаксис (вокализации стали сопоставляться, а смысл сочетаний вычисляться по некоторым общим правилам). Однако, как мы уже видели выше, грамматическая организация языка вовсе не обязана быть такой, какова она есть. Э. Карстейрс-Маккарти задает вопрос: почему язык эволюционировал именно так, что в нем появилось противопоставление предложений и ИГ, существительных и глаголов, подлежащих и дополнений?

В качестве ответа автор выдвигает гипотезу о том, что базовые свойства синтаксиса человеческого языка (противопоставления ИГ и предложения, глагола и его аргументов, выделение одного из аргументов как более важного и т.п.) обусловлены вовсе не коммуникативными, прагматическими или семантическими факторами, но были заимствованы из уже имевшейся, по мысли автора, в тот пери-

од структуры важнейшей фонологической единицы – слога¹, который обладает иерархической структурой такого вида:

Внутри слога существует три вида асимметрии: между ядром и периферией (последняя включает инициаль и коду); между инициальной (как более привилегированной составляющей слога) и кодой; между слогом в целом и его составляющими.

Такая структура слога находит непосредственные параллели в тех синтаксических структурах, которые принято вводить в наиболее влиятельной за рубежом синтаксической теории – Порождающей грамматике Н. Хомского (см. хотя бы [Тестелец 2001: 148, 149, 554–663]). Однако Э. Карстейрс-Маккарти находит параллели между устройством слога и синтаксическими структурами вне зависимости от какой-либо конкретной синтаксической теории. Эти сходства, возникшие, по его мнению, в результате "применения структуры слога к структуре цепочки слов" (с. 148), таковы (с. 151):

- всякий текст можно разбить на предложения так, чтобы каждое предложение обязательно содержало ядерную (= предикатную) позицию;
- ядерная позиция заполняется словами, существенно отличающимися по своим свойствам от слов, заполняющих периферийные позиции (т.е. финитными глаголами);
- слова, заполняющие периферийные позиции (т.е. ИГ), одинаковы по своей природе;
- некоторая неядерная составляющая предложения (ИГ) является привилегированной (например, является подлежащим).

Не вдаваясь в дальнейшие подробности аргументации Э. Карстейрса-Маккарти, ука-

¹ Здесь необходимо отметить, что идея о изоморфизме структур слога и предложения была высказана еще Е. Куриловичем [Курилович 1962а; 1962б], причем в терминах, очень близких к тому, о чем пойдет речь ниже; в связи с этим нам представляется очень странным отсутствие в рецензируемой монографии ссылок на эти классические работы.

жем, что, как он полагает, его гипотеза объясняет возникновение многих общих и частных структурных особенностей человеческого языка, вопрос об эволюции которых в рамках других концепций вообще не ставился

В шестой главе (*Apes, anthropology, and the brain*) рассматриваются данные трех областей науки, наиболее тесно связанных с проблематикой эволюции языка, – эволюционной антропологии, исследований коммуникации высших приматов и нейрофизиологии. Как показывает автор, эти данные либо подтверждают его теорию, либо, по крайней мере, не противоречат ей

Важнейшим свидетельством в пользу гипотезы о заимствовании структуры слога в качестве модели для синтаксиса служит тот факт, что зоны коры головного мозга, ответственные за грамматическую организацию высказываний (зона Брока), соседствуют с участками контролирующими артикуляторный аппарат (с 196, 197). Не меньший интерес представляют и данные исследований афазии, оказывается, что афатики (носители английского языка) с поражениями зоны Брока способны оценивать как грамматичные или неграмматичные предложения, в которых нарушены некоторые конкретно-языковые аспекты синтаксического устройства, но не замечают отклонений от правил, связанных с предикатно-аргументной структурой и понятием подлежащего. Из этого Э Карстейрс-Маккарти делает вывод о том, что зона Брока регулирует как раз те аспекты синтаксиса, которые базируются на 'слоговой модели' и являются наиболее древними (с 196–203)

Еще один важный факт, который Э Карстейрс-Маккарти приводит в подтверждение своей теории, – наблюдения, свидетельствующие о том, что следование Принципу Контраста при усвоении знаковых систем не является уникальным свойством *Homo sapiens*, но характерно для всех высших приматов (с 216–218). Исследования коммуникации шимпанзе также показывают, что, обучаясь языку жестов, те оказываются не способны создавать синтаксические единицы, которые были бы противопоставлены подобно предложениям и ИГ человеческого языка

Седьмая глава представляет собой заключение, в котором Э Карстейрс-Маккарти говорит, что если дальнейшие исследования в области эволюции языка покажут, что его гипотеза верна, то человеческий язык окажется лишь побочным продуктом изменения речевого аппарата, вызванного переходом наших предков к двуногому образу жизни (с 226). Такой вывод нельзя не считать сенсационным. Тем не менее, как мы постараемся пока-

зать ниже, оснований для него гораздо меньше, чем полагает Э Карстейрс-Маккарти.

Несомненным достоинством книги является то, что она написана живым языком, изложение ведется в манере, доступной для читателей – неспециалистов как в лингвистике, так и в эволюционной биологии. Автор безусловно эрудирован не только в собственно языковедческой проблематике, но также и в биологии и философии (хотя приходится констатировать избирательный подход автора к библиографии по этим областям). Нельзя не отметить и оригинальности разработки проблемы. Очень плодотворным в подходе Э Карстейрса-Маккарти представляется то, что он предлагает читателю отказаться от мысли, будто человеческий язык – единственно возможная коммуникативная система столь высокого уровня, и представить потенциальные альтернативы. Нельзя не отметить также практически безупречной с логической точки зрения структуры выдвигаемой в монографии теории.

Тем не менее, исходные предпосылки концепции, излагаемой в рецензируемой монографии, представляются нам спорными. Во-первых, трудно согласиться с тем, что занимающее принципиальное место в теории Э Карстейрса-Маккарти противопоставления предложений и ИГ, имен и глаголов, подлежащего и других ИГ не могут быть мотивированы никакими семантическими или функциональными принципами и что для того, чтобы объяснить их возникновение, необходимо постулировать изоморфизм структур предложения и слога. Проблема мотивации данных противопоставлений активно рассматривалась на материале большого количества самых разных языков в рамках функционально-типологического направления в лингвистике, достижения которого, как нам представляется, автор не уделяет должного внимания.

Многочисленные исследования (см. хотя бы [L1 1976, Foley, Van Valin 1977, 1984, Plank 1984, Croft 1991, Foley 1993, Dryer 1997, Givón 1984 – 1990, 1995², Кибрик 2003: Ч 3], ср. также обзор в [Кибрик, Плуныян 2002]) показывают, что такие категории, как существительное и глагол, подлежащее и 'дополнение' и т.п. имеют вполне четко выделяемое универсальное ядро и значительно более

² Нельзя не отметить, что в монографии [Givón 1995] имеется целая глава, посвященная эволюции языка, и отсутствие в рецензируемой книге ссылки на этого авторитетнейшего автора представляется нам по меньшей мере странным.

размытую и подверженную типологическому варьированию "периферию". При таком подходе отвергнутое теоретической лингвистикой как несостоятельное определение частей речи на основании их семантики получает разумную интерпретацию. Существительные (и формируемые на их основе ИГ) прототипически обозначают дискретные, стабильные во времени объекты, в то время как глаголы (и тем самым, предложения) прототипически обозначают положения вещей подверженных изменению во времени

Что же касается иерархии ИГ в предложении, подобной асимметрии подлежащего и дополнений в языках "среднеевропейского стандарта", то здесь нужно сделать следующие два замечания. С одной стороны, в тех языках, где иерархия ИГ представлена, она мотивирована семантическими, коммуникативными и дискурсивными факторами (см. хотя бы уже упоминавшиеся работы). С другой стороны, как теперь известно лингвистам нет никаких оснований считать такую асимметрию универсальным свойством человеческого языка и, следовательно, выдвигать возможные сценарии ее происхождения (т.к. в значительной части языков мира разные факторы выделяют в качестве привилегированных разные ИГ, что противоречит гипотезе о существовании единственной главной структурной позиции см. хотя бы [Кибрик 2003 гл. 10])

Во-вторых, нам представляется что Э. Карстейрс-Маккарти несколько преувеличивает центральный и универсальный характер противопоставления предложений и ИГ. Конституирующим ядром предложения является не "обозначение действия", а та составляющая, которая содержит информацию о времени, модальности и т.д. (из недавних работ см. [Калинина 2001, Тестелец 2001 229 и сл.]; ср. также [Nordlinger, Saulwick 2003]). Эта составляющая – как правило, глагол, поскольку именно для обозначения действия наиболее свойственно содержать такого рода информацию. Это однако, необязательно, ср. например турецкое *bu kalemd* "это было перо", ненецкое *тыкы манась* "это был я", где показатели времени оформляют ИГ. Центральная же роль времени и других предикативных категорий для конструкции предложения проистекает, скорее всего, из того, что одна из важнейших целей любой коммуникации – модифицировать поведение адресата, а этой цели наиболее отвечают сообщения о ситуациях меняющихся во времени. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в дискурсе ключевую роль играют предложения с динамическими глаголами, кото-

рые, согласно [Croft 1991 87–93], преобладают статистически

В-третьих, изоморфизм структуры слога и структуры предложения, подробно аргументируемый в монографии, далеко не очевиден. Структура слога принципиально линейна, элементы слога не могут быть переставлены никаким образом без катастрофического нарушения структуры. Напротив, организация предложения принципиально нелинейна, его элементы могут быть переставлены с большей или меньшей свободой. Более того, имеются существенные основания предполагать (см. [Hopper 1987, Hopper, Traugott 1993, Givón 1995, Bybee 2002]), что строго фиксированный и грамматически детерминированный порядок составляющих возникает в результате грамматикализации конструкции со свободным порядком слов, зависящим от прагматических и стилистических факторов.

Вообще, следует отметить, что для концепции Э. Карстейрса-Маккарти теория грамматикализации представляет трудноразрешимую проблему, поскольку она утверждает [Lehmann 1995, Heine et al 1991, Hopper, Traugott 1993], что практически все аспекты грамматического устройства естественных языков возникают в результате конвенционализации семантических и прагматических факторов. Эта конвенционализация, механизмы которой универсальны и к настоящему моменту довольно хорошо изучены, происходит согласно наиболее общим принципам когнитивной организации и не является чем-то, свойственным исключительно человеческому языку [Hauman 1998]

Помимо возражений общетеоретического характера, есть также и более частные замечания, из которых мы укажем лишь наиболее существенные

Во-первых, мнение автора, что двойное членение свойственно исключительно человеческому языку, не представляется нам верным. По-видимому, всякая достаточно развитая система произвольных знаков приходит в результате внутренней структуризации к двойному членению того или иного вида. Для этого необходимо лишь, чтобы приток новых иконических знаков был пренебрежимо мал по сравнению с количеством уже существующих знаков. Этим характеристикам в той или иной степени отвечают, помимо устного языка, также некоторые жестовые знаковые системы [Крейдлин 2002], ряд коммуникативных систем животных (см. [Бурлак, Старостин в печати, гл. 4 3]), шумерская клинопись и китайская иероглифика. Трагтовка на с. 14 китайской иероглифики как не обладающей дуальностью, замстванная авто

ром из работы [Pulleyblank 1989], попросту неверна как известно каждому китаисту или японисту, любой иероглиф состоит из фиксированного числа черт, а множество самих этих черт содержит лишь чуть более десяти элементов. Эволюция иероглифических систем письма – как китайской, так и переднеазиатской [Borger 1988 1] – как раз являет яркий пример возникновения двойного членения при переходе от преимущественно иконической к преимущественно символической организации знаковой системы

Во-вторых, анализ данных афазии на с 195–203 также не представляется нам во всем обоснованным. Если бы зона Брока действительно отвечала за те аспекты синтаксиса, которые якобы непосредственно выводятся из структуры слога, то при поражении этой зоны и соседних участков мозга следовало бы ожидать не только определенных видов аграмматизма, но и нарушения слоговой структуры, чего, тем не менее, как правило, не происходит. Что же касается самого анализируемого автором материала афазии, то для того, чтобы он мог рассцениваться как свидетельство в пользу той или иной гипотезы о происхождении языка, необходимо располагать корпусом аналогичных данных для языков различных типов, в частности языков со свободным порядком слов (например, русского) и языков с принципиально иным устройством простого предложения (синтаксически и семантически эргативных или активных, топиальных и т.п.). Приведенные данные, на наш взгляд, могут свидетельствовать только о том, что зона Брока отвечает за исполнение последовательностей речевых действий, поэтому с ее разрушением человек утрачивает способность как производить длинные цепочки слов, так и анализировать их структуру (по крайней мере, в некоторых аспектах, о гипотезе, согласно которой первичной является не иерархическая, а линейная структура речевых произведений, см [Вубе 2002])

В-третьих, неточным является утверждение автора о том, что принципиальная возможность расширения словаря сигналов присуща только человеку (с 8–12), на самом деле этим свойством мы обладаем наравне со всеми человекообразными обезьянами (см описания опытов с шимпанзе и бонобо, например в [Резникова 1997, Зорина и др 1999])

Несмотря на отмеченные фактические неточности и ряд спорных теоретических положений, книга Э Карстейрса-Маккарти обладает несомненными достоинствами. Так, нельзя не отметить, с нашей точки зрения, совершенно правильного отрицания автором какого-либо внесязыкового основания у фи-

лософских и лингвистических понятий истина" и "референция", подробно обсуждаемых им в первой и второй главах. По мнению автора, это различие вовсе не является "необходимым" свойством мышления и проистекает из разницы между ИГ используемыми преимущественно для референции и предложениями, основная функция которых (по крайней мере, повествовательных) – предикация И истинность, и референция, согласно Э Карстейрсу-Маккарти суть не более чем разновидности одного и того же свойства языковых единиц – их способности соответствовать или не соответствовать реальному миру. Подчеркнем, однако, еще раз, что из этого факта, по нашему мнению, вовсе не следует, что само по себе различие между предложениями и ИГ никак не мотивировано.

Не менее важным, на наш взгляд, является и то, что автор придает первостепенное значение в процессе эволюции языка принципам избегания синонимии (с 108–125), которые, как он сам подчеркивает (с 216–218), не являются уникальным свойством человека, но характерны для всех высших приматов (и, возможно, для всех животных, обладающих сколько-нибудь развитыми системами коммуникации).

Завершая данную рецензию нам хочется подчеркнуть, что, при всех серьезных недостатках концепции Э Карстейрса-Маккарти, его книга, вне всякого сомнения, заслуживает внимания российских лингвистов. В заключение нам кажется нелишним процитировать резко критическую рецензию самого Э. Карстейрса-Маккарти на знаменитую книгу С Андерсона "A-morphous morphology" [Carstairs-McCarthy 1993 231]. От Андерсона, даже когда он неправ, можно получить больше, чем от большинства других лингвистов, даже когда они правы. Это высказывание в полной мере применимо и к самому Э Карстейрсу-Маккарти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барулин 2000 – *А Н Барулин* Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч I М, 2000
- Бурлак, Старостин (в печати) – *С А Бурлак*, *С А Старостин* Введение в сравнительно-историческое языкознание (в печати)
- Зорина и др 1999 – *З А Зорина, И И Полетаева, Ж И Резникова* Основы этологии и генетики поведения М 1999
- Калинина 2001 – *Е Ю Калинина* Нефинитные сказуемые в независимом предложении М, 2001

- Кибрик 2003 – *А Е Кибрик* Константы и переменные языка СПб. 2003
- Кибрик, Плузгян 2002 – *А А Кибрик В А Плузгян* Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А А Кибрика, И М. Кобозевой И А Секериной М. 2002
- Крейдлин 2002 – *Г.Е Крейдлин* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М. 2002
- Курилович 1962а – *Е Курилович* Лингвистика и теория знака // Е. Курилович Очерки по лингвистике М. 1962
- Курилович 1962б – *Е Курилович* Понятие изоморфизма // Е. Курилович Очерки по лингвистике М., 1962
- Мартине 1963 – *А Мартине* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике Вып III / Под ред В А Звегинцева М., 1963
- Николаева 1996 – *Т.М. Николаева* Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ. 1996 № 2
- Резникова 1997 – *Ж И Резникова* Экология, этология, эволюция Новосибирск 1997
- Тестелец 2001 – *Я Г Тестелец* Введение в общий синтаксис М., 2001
- Хоккет 1970 – *Ч Ф Хоккет* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып V Языковые универсалии / Под ред Б А Успенского М., 1970
- Шур и др. 2004 – *Я А Шур, Л Б Вишняцкий, Н С Бледнова* Происхождение знакового поведения М., 2004
- Borger 1988 – *R Borger* Assyrisch-Babylonische Zeichenlist Munchen, 1988
- Bybee 2002 – *J L Bybee* Sequentiality as the basis of constituent structure // The evolution of language out of pre-language / Ed by T Givón, B E Malle Amsterdam, Philadelphia, 2002
- Carstairs 1987 – *A Carstairs* Allomorphy in inflexion London 1987
- Carstairs-McCarthy 1993 – *A Carstairs-McCarthy* Morphology without word-internal constituents a review of Stephen R. Anderson's A-morphous morphology // Yearbook of morphology 1992 / Ed. by G. Booij, J van Marle Dordrecht, 1993
- Carstairs-McCarthy 1994 – *A Carstairs-McCarthy* Inflection classes gender, and principle of contrast // Language V 70 1994, № 4
- Carstairs-McCarthy 1998 – *A Carstairs-McCarthy* How lexical semantics constrains inflectional allomorphy // Yearbook of morphology 1997 / Ed by G. Booij, J van Marle. Dordrecht, 1998
- Christiansen Kirby 2003 – *M H Christiansen S Kirby (eds)* Language evolution Oxford, 2003
- Clark 1993 – *E V Clark* The lexicon in acquisition Cambridge, 1993
- Croft 1991 – *W Croft* Syntactic categories and grammatical relations The cognitive organization of information Chicago, London, 1991
- Deacon 1997 – *T W Deacon* The symbolic species The co-evolution of language and the human brain London, 1997
- Dryer 1997 – *M Dryer* Are grammatical relations universal? // Essays on language function and language type dedicated to T Givón / Ed by J Bybee, J Haiman, S A Thompson Amsterdam, Philadelphia, 1997
- Foley 1993 – *W A Foley (ed)* The conceptual basis of grammatical relations // The role of theory in linguistic description Berlin, New York, 1993
- Foley, Van Valin 1977 – *W A Foley R D Van Valin, Jr* On the viability of the notion of subject' in universal grammar // Proceedings of the 3rd annual meeting of the Berkeley linguistics society Berkeley, 1977
- Foley, Van Valin 1984 – *W A Foley R D Van Valin Jr* Functional syntax and universal grammar Cambridge, 1984
- Givón 1984 – 1990 – *T Givon* Syntax A functional-typological introduction V I, II Amsterdam, Philadelphia, 1984–1990
- Givón 1995 – *T Givón* Functionalism and grammar Amsterdam, Philadelphia, 1995
- Givón, Malle 2002 – *T Givon, B E Malle (eds)* The evolution of language out of pre-language Amsterdam, Philadelphia, 2002
- Haiman 1998 – *J Haiman* Talk is cheap sarcasm alienation, and the evolution of language Oxford, 1998
- Hauser 1996 – *M D Hauser* The evolution of communication Cambridge (Mass), 1996
- Heine et al 1991 – *B Heine, U Claudi, F Hunnemeyer* Grammaticalization A conceptual framework Chicago, London, 1991
- Hopper 1987 – *P J Hopper* Emergent grammar // Proceedings of the 13th annual meeting of the Berkeley linguistics society Berkeley, 1987
- Hopper, Traugott 1993 – *P J Hopper, E C Traugott* Grammaticalization Cambridge, 1993
- Hurford et al 1998 – *J R Hurford, M G Studert-Kennedy, Chr Knight (eds)* Approaches to the evolution of language Social and cognitive bases Cambridge, 1998
- Kirby 1999 – *S Kirby* Function, selection, and innateness The emergence of language universals Oxford, 1999
- Lehmann 1995 – *Chr Lehmann* Thoughts on grammaticalization. Munchen, Newcastle, 1995
- Li 1976 – *Ch Li (ed)* Subject and topic New York, 1976

Noble, Davidson 1996 – *W. Noble, I. Davidson*. Human evolution, language and mind: A psychological and archeological inquiry. Cambridge, 1996.

Nordlinger, Saulwick 2003 – *R. Nordlinger, A. Saulwick*. Finite noun phrases. Ms. 2003.

Pinker, Bloom 1990 – *S. Pinker, P. Bloom*. Natural language and natural selection // Behavioral and brain sciences. V. 13. 1990.

Plank 1984 – *F. Plank (ed.)*. Objects: Towards a theory of grammatical relations. London etc., 1984.

Pulleyblank 1989 – *E.G. Pulleyblank*. The meaning of duality of patterning and its importance in language evolution // Studies in language origins. V. 1 / Ed. by J. Wind et al. Amsterdam; Philadelphia, 1989.

Tomlin 1986 – *R. S. Tomlin*. Basic word order: Functional principles. London, 1986.

*П. М. Аркадьев.
С. А. Бурак*

R. Benacchio. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Udine: Società filologica Friulana. 2002. 196 p.

Название книги итальянского слависта Розанны Бенаккьо (которое может быть переведено на русский приблизительно как "Словенские диалекты Фриули: между языковой периферией и языковыми контактами") обращает внимание на два аспекта изучаемых диалектов, делающие их уникальным явлением в славянском языковом ареале и обеспечивающие устойчивый интерес к ним со стороны славистов на протяжении уже более полутора веков. Действительно, диалекты, о которых идет речь, с одной стороны, расположены на периферии славянского мира и, более того, в относительной изоляции от последнего (большей или меньшей для разных диалектов), с другой, издавна находятся в контакте с романской языковой средой (степень которого также сильно варьирует у того или иного диалекта). Отсюда наличие в них множества редких лингвистических архаизмов и в то же время довольно сильная интерференция с соседними романскими говорами, – сочетание, заставлявшее многие поколения лингвистов ломать голову над загадками словенских диалектов итальянской области Фриули.

Среди словенских диалектов Северной Италии наиболее интересен и знаменит резьянский, носители которого живут в долине Резья. Как указывает Р. Бенаккьо, предки резьян-словенцев заселили долину не позднее XI в. С тех пор, в силу особенностей географического положения долины, ее жители относительно мало контактировали как со словенцами, так и с романским населением. Следствием многовекковой изоляции стало сохранение в резьянском диалекте множества архаических черт, представляющих исключительный интерес как для истории словенского языка, так и для славистики в целом. Неудивительно, что этот диалект, насчитывающий всего око-

ло 1300 носителей, отнюдь не обделен вниманием специалистов.

Открытый в конце XVIII в. графом Яном Потоцким, записавшим во время одного из своих путешествий первые образцы резьянской речи, диалект привлек внимание таких основоположников славистики, как Й. Добровский, В. Копитар, П.И. Шафарик. Впоследствии его изучением занялся И.И. Срезневский. Однако основателем резьянологии как научной дисциплины по праву считается И.А. Бодуэн де Куртенэ, совершивший ряд экспедиций в Резьянскую долину, собравший и опубликовавший массу ценного материала и посвятивший языку резьян докторскую диссертацию "Опыт фонетики резьянских говоров" [Бодуэн де Куртенэ 1875]. После Бодуэна изучение резьянского диалекта велось в основном в рамках словенистики (особенно важны работы выдающегося словенского диалектолога Ф. Рамовша). Однако конец прошлого столетия ознаменовался новым всплеском интереса к резьянскому диалекту со стороны ученых разных стран. Результатом стало проведение в 1991 г. в Резье международной конференции "Основы практической резьянской грамматики", материалы которой вышли отдельным томом в 1993 г. [Steenwijk (ed.) 1993], ср. обзор в [Дуличенко 1995]. Большая заслуга в изучении резьянского диалекта принадлежит голландскому исследователю Хану Стенвейку, который дал подробное монографическое описание одного из резьянских говоров ([Steenwijk 1992]; также рассматривается в обзоре [Дуличенко 1995]), разработал правила резьянской орфографии [Steenwijk 1994] и предпринял много-томное издание практической грамматики резьянского языка [Steenwijk 1999].